

Жизненный тупик советского человека

Советская власть, ее платные агенты и самодурствующие снобы, с искусством и ловкостью рук цирковых работников, умеют показывать миру технические достижения «социалистического строительства».

На фоне этих «достижений» рисуя «сытую и культурную жизнь» трудящихся СССР, манят и зовут мировой пролетариат на бой против своих «буржуазных» правительств во имя установленной диктатуры пролетариата повсюду.

Мы, конечно, знаем, какая там «райская» жизнь установилась. Знают это хорошо и сами советские подневольные граждане, но сказать об этом открыто не смеют. Но жизнь становится невмоготу, людям хочется сказать правду, облекая ее в различные формы.

Вот и два молодые калмыцкие писатели, Сян-Бельгин Х. и Даван Г., тоже выдумали способ рассказать правду в форме литературного произведения. В газете «Улан Багчуд» (№ 63) они поместили коллективный рассказ в виде дневника неизвестного сов. учителя. В нем кратко описывается жизнь молодого человека, выросшего уже под сов. властью. Эта типичная биография сов. человека замечательна во всех отношениях: детство, нищета, голод, потеря всех своих родственников, умерших от голода, скитание по степи, детский дом, учение, выход оттуда учителем, получение места.

А затем: «Работа вываливается из рук моих. Разговоры, разговорчики и клевета непрерывным звоном звучат в моих ушах».

Дальше: искусственно прививаемый интернационализм столкнулся с естественным, неистребимым национальным чувством, «учение Маркса» решительно столкнулось с волей матери, ревниво оберегающей свои национальные традиции.

И калмык - коммунист вопрос этот не разрешил, а только беспомощно пишет: «Я опустился, упал духом. Ни с кем не разговариваю. Дома бываю редко. Ночую у посторонних. Выпиваю и играю в карты».

Ни на минуту не сомневаясь, что из этой борьбы победительницей выйдет мать, мы этот характерный и безыскусственный рассказик помещаем здесь целиком.

Рассказ носит название «Винovat ли я?» Вот и сам рассказ:

«Не знаю, кому я пишу. Горе раздрает мою грудь, сжимает сердце мое, хочу изложить его вот на этой белой бумаге. Есть калмыцкая поговорка: «Вспоминать горе — двойное горе». Это правильно. А есть ли тот, который знает и сочувствует моему горю?»

Воспитывался я в детдоме, там же научился грамоте. Сейчас я учитель. Работа вываливается из рук моих. Разговоры, разговорчики и клевета непрерывным звоном звучат в моих ушах.

Я один у своей матери. У меня одна лишь горе-

мычная мать. В голодный год умер отец, две старшие сестры и три брата. Умерли от голода. И мы с матерью в лютой стуже голодной зимы стали нищенствовать и жить подающим.

Шли мы с матерью из хотона в хотон. В одном хотоне мать заболела и осталась. Среди голодной степи, среди свирепого зимнего мороза, остался я один. Одишеенок, невольные слезы катились тогда из моих глаз, я не удерживал их, и незачет было... Скитался я один. Черствый кусок гююра был моей заботой. И вот, после мучительных скитаний и страданий, очутился я в Калм-Базаре. Взяли меня в детский дом. Семь лет я жил там, а потом поступил в Калмпедтехникум и стал учителем. Так я вступил в жизнь.

Во время культштурма в нашей области, в годы напряженной работы я впервые приехал в свою степь. Моя мать, которую я считал давно умершей, была жива. Она тоже считала меня безвестно пропавшим. Радости и слезам не было границ. Мы плакали.. Я вспомнил отца, вспомнил сестер и братьев, и из моих, уже неслезивых глаз опять полились слезы. Сердце комом сжималось от воспоминаний.

Мать работала уборщицей в школе. Я остался работать в той же школе. Работали, забыли свою прежнюю жизнь, нашлись друзья, родственники. А было время, когда я нищенствовал, — собака, и та не радовалась мне.

Так незаметно прошло два года. Моя мать начала поговаривать о женитьбе. Приметили они девушку, договорились с родственниками и уже я стал женихом. А девушка была не плохая. Только я не любил ее. любил другую.

Был у нас в соседстве русский хутор, я там часто бывал. И вот однажды увидел ее.. Русская девушка, прислонившись к забору, пела калмыцкую любовную песню.

Семья моя малая
Не утешенне,
Где же мой милый,
Мое утешенне?

Образ этой девушки сильно запечатлелся у меня в памяти.

Спустя год я опять встретился с ней, случайно, в совхозе. Она работала там. Я познакомился с ней. Разговорился, Потом стали встречаться часто. А потом.. Это перешло во что-то другое, и мы незаметно влюбились друг в друга.

И теперь завязался большой скандал. Моя любимая, единственная мать стала меня ненавидеть. «Не показывай мне на глаза свою русскую ведьму», — кричала она и плакала так горько, как не плакала в дни голодных скитаний. Родственники уговаривали меня бросить любимую девушку. Кричали, угрожали, умоляли и просили. Друзья мои не стали со мной разговаривать. Все отвернулись от меня. Даже неко-

горые комсомольцы и то косо поглядывали на меня. Когда я начинаю вести с ними разговор — не слушают, на смех поднимают.

— Если бы была грамотная, то полбеды, — говорили они, а то свинопаска хуторная. Что ты, калмыцкую девушку не мог найти? — наступали они на меня и, плюнув, отходили прочь.

Недавно приехал мой двоюродный брат. Он работает в Элисте, окончил КомВУЗ. Да и тот не выдержал, поругал меня.

— Надо уважать свою мать, — учил он меня, — оно правильно, что марксизм учит нас интернационализму, но все-таки огорчать родственников, единственную свою мать, это никуда не годится. Будешь жив, — девушку найдешь.

Я опустил, упал духом. Ни с кем не разговариваю. Избегаю встречи со знакомыми. Дома бываю редко. Ночую у посторонних. Выпиваю и играю в карты. А мать моя не молчит. Плачь, крики ее протяжно и тоскливо перекликаются всегда со степным эхом. Она жалуется каждому, жалуется на то, что единственный ее сын отдался во власть синеглазых ведьмы и бросил свою мать.

Винить ли ее, свою единственную мать? Или виновата моя любовь? Мать моя горемычная, ногою измерившая со мною всю голодную и холодную степь, делившаяся всегда добытым ею Христа - радию кусочком. Кто же виноват? Русская девушка?

И виноват ли я?»

СЯН-БЕЛЬГИН Х., ДАВАН Г.

К вопросу о переселении на Дальний Восток

а) «ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА», ПОДАННАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ МАНДЖУ-ТИ-ГО В 1932 Г.

Калмыцкая национально - политическая организация под именем: "Хальмак Талгчил Тук — Знамя Калмыцкого Народа", ставя задачей защиту своих попранных национальных прав в пределах бывшей Российской Империи после падения там большевицкой власти, ищет наряду с этими путями к практическому улучшению жизни своей немногочисленной эмиграции. Для этого она считает необходимым вывести ее из нынешнего, рассеянного по разным государствам Европы состояния и поселить ее компактной массой в родственной среде азиатских народов в условиях, обеспечивающих ей возможность занятия скотоводческо-земледельческим хозяйством.

В связи с освобождением из-под власти анархического Китая Маньчжурского народа и возрождением им своей былой государственности под управлением своей исторической династии, в калмыцкое государство вошла значительная часть братского калмыкам Монгольского народа, усилилась в сердцах калмыков - эмигрантов надежда попасть в родственную среду, в которой, в качестве равноправного плена, калмыки, составив малочисленное ядро хозяйственных, хозяйственно и организационно активных граждан, вернулись бы, после десятилетия скитаний среди чужих нам народов Европы, в родную Азию.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Калмыки являются одним из племен Монгольского народа, потомками известных в истории Азии — Ойратов, которые, вместе с монголами, до начала 17 столетия, играли значительную роль в истории народов Востока и часть которых, под именем Торгутов, в конце первой четверти 17 столетия, в силу совершившихся тогда политических событий, по-

чала в Европу, на реку Волгу. Здесь они, уже под именем Калмыков, заняв пустовавшие тогда Прикаспийские и Приволжские степные пространства, в течение целого века сохраняли свою национальную независимость, играя важную роль в истории и жизни народов Восточной Европы.

Но в конечном результате, растущее и усиливавшееся Русское государство установило над них свою власть. Постепенно, шаг за шагом, несмотря на свое упорное противодействие, калмыки окончательно попали под управление представителей русской власти, получившись так называемой "полочительной системе".

Когда над калмыками окончательно установилась русская власть и самым калмыкам стала очевидна печальная перспектива грядущих времен, возникла в народе тяга к возвращению обратно в свою праматерь Азию, на старые родные пепелища, в родственную среду.

Эта тяга калмыков в Азию обуславливалась сознанием их национального единства с живущими в Азии народами — тунгузами и монголами, с которыми они, находясь в Европе, держали связь. Само собою разумеется, что одной из причин, усиливших эту тягу к возвращению в Азию служила бесперемонная русификаторская политика русского правительства в отношении калмыков.

Наконец, в 1771 году, в ханство малолетнего Абуши, после двухлетней тайной подготовки, весь Калмыцкий народ, бывший под властью России, тронулся в путь, направляясь в пределы Азии. Несмотря на многочисленные препятствия и трудности, четыре пятых частей Калмыцкого народа ушли из пределов России и, дойдя в полном физическом и духовном истощении до китайской гра-